

и разнообразные формы выражения лирических эмоций.

ПРИМЕЧАНИЯ

1 См.: Сквозников В.Д. Реализм лирической поэзии: Становление реализма в русской лирике. М., 1975.

2 Принцип неопределенности в отечественном литературоведении применительно к "Евгению Онегину" впервые стал исследовать И.А.Гурвич (см.: Гурвич И.А. Явление неопределенности в романе Пушкина "Евгений Онегин" // Проблемы литературоведения и преподавания литературы. Ташкент, 1977. Т. 196). Среди зарубежных литературоведов на эту особенность указывал исследователь Д. Клайтон (см.: Clayton J.D. "Ice and flame": Alexander Pushkin's Eugene Onegin. Toronto, 1985).

3 Здесь и далее (с указанием тома и страниц) тексты Пушкина цитируются по Большому академическому изданию: (см.: Пушкина А.С. Полное собрание сочинений: В 16 т. М.; Л., 1937-1949).

4 Томашевский Б.В. Пушкин: Материалы к монографии. Л., 1961. Кн. 2.

5 Беленкий А.И. Из наблюдений над стихотворными текстами Пушкина // Филол. сб. Киевск. гос. ун-та им. Т.Г. Шевченко. Киев, 1953. №5. С.93.

6 См.: Хорват К. Романтические воззрения на природу // Европейский романтизм. М., 1973.

Ю.М. НИКИШОВ

Калининский госуниверситет

**"ГЕРОЙ - ОБСТОЯТЕЛЬСТВА" КАК ПРОБЛЕМА РЕАЛИЗМА
В РОМАНЕ ПУШКИНА "ЕВГЕНИЙ ОНЕГИН"**

Согласно наиболее утвердившемуся мнению, реализм от других литературных направлений отличается следующими признаками: социально-психологический детерминизм характеров; высокая степень полноты и определенности художественного изображения, что приводит к реализации принципа "саморазвития" героев; историзм. В рамках статьи, примечательно к "Евгению Онегину", мы рассмотрим первое из этих слагаемых.

С принципом социально-психологического детерминизма вполне согласуется знаменитая энгельсовская формула реализма:

"На мой взгляд, реализм подразумевает, помимо правдивости деталей, правдивость воспроизведения типичных характеров в типичных обстоятельствах"¹. Атрибутивную важность этого принципа подчеркивает исследователь: "Для реалистической концепции человека исходным и решающим является принцип детерминизма: человек был понят как порождение социальной среды и национальной истории. Романтическое искусство, питаемое философской концепцией волюнтаризма, понимало человека иначе: для романтиков глубочайшие предпосылки стремлений и переживаний личности были абсолютно независимы от законов объективного мира"².

Вне сомнения, проблема типичного героя и типичных обстоятельств — ключевая, кардинальная в реалистическом искусстве. Сентименталисты в трактовке среды механистичны, герои у них как будто несут клеймо своей среды: "природосообразный" человек добродетелен, а "цивилизованный" порочен. Романтиков не привлекает процесс становления личности, они берут ее как данность, оставляя во многом загадкой, а для резкого выявления героя любят ставить его в обстоятельства исключительные, даже экзотические. Реализм — искусство аналитическое. Нетрудно предположить, что в художественных исследованиях реалистов обнаруживается существенная роль среды не только в формировании личности героя, но и в установлении его "судьбы".

Значение и сущность бытового материала в пушкинском романе глубоко определил Г.А. Гуковский: "...Бытовой материал в "Евгении Онегине" одновременно и понижен и повышен в своем значении по сравнению с предшествовавшей ему литературной традицией... Быт дан у Пушкина не в порядке моральных назиданий, а в порядке объяснения людей, как база формирования их характеров, их идейного содержания, то есть как закономерная и общая основа индивидуальности"³. Данная исходная позиция сформировалась в

науке давно и устойчиво. Ее общие основы сохраняют свое значение и в наше время. Тем не менее наметились две тенденции, против которых необходимо возражать: когда теоретические посылки формулируются с излишней жесткостью и категоричностью и когда в общем верные положения недостаточно гибко и тактично накладываются на конкретный художественный материал.

Зависимость человека-героя от окружающей среды Г.А. Гуковский устанавливает с явной механистичностью. Исследователь подходит к пушкинскому роману с внеположной к нему логической схемой: "...одни и те же причины в одинаковых условиях рождают одинаковые следствия; одна и та же среда воспитывает сходные — при

всех индивидуальных различиях — психологические явления, характеры”⁴. Исключениям из правила, которые не может не видеть автор, убедительного объяснения не находится: “И Пушкин и Грибоедов выросли в этой среде, но сумели преодолеть ее воздействие и противостоять ей. Они оперлись при этом на другую, более широкую “среду”, на среду, которую они понимали как национально-народную почву своего личного бытия”⁵. Но если понятие светского общества как среды вполне определенное и конкретное, то “национально-народная почва” личного бытия — понятие весьма расплывчатое. Онегина Г.А.Гуковский рассматривает как характерное порождение светской среды.

Фетишизация среды у Г.А.Гуковского — непреодоленный рецидив грубого социологизма раннего советского литературоведения. Приведем совсем курьезный случай, когда “на среду” списывается сугубо индивидуальный поступок героя: “Не Онегин, а та среда, в окружении которой ему приходилось жить, виновата в том, что он отвечает холодной, хотя и исполненной самой глубокой внутренней честностью, отповедью полюбившей его девушке”⁶.

Рассматривая развитие пушкинского реализма в 30-е гг., Г.П.Макогоненко сделал вывод: “В 1830-е годы Пушкин обогатил реализм новым фундаментальным открытием — диалектической взаимосвязью обстоятельств и человека: среда, утверждал он, не всемогуща, человек может противостоять ей...”⁷ Нет возражений: под таким углом зрения может быть рассмотрено у г л у б л е н и е реализма в произведениях Пушкина 30-х гг. Однако не следует относить к 30-м гг. р о ж д е н и е данного принципа: реализму оно присуще изначально, наблюдать его можно уже в первой главе “Онегина”⁸.

Содержательно первая глава делится на две почти равные по объему части. Первая воспроизводит обыкновенный светский образ жизни героя: детально прорисованная фигура Онегина здесь — не более как способ индивидуализировать именно распостраненный стереотип поведения⁹. Но Онегин как личность (и герой пушкинского романа) начинает не с успехов в “науке страсти нежной”, а с авторского вопроса: “Но был ли счастлив мой Евгений..?” (У1, 20)¹⁰, с момента, когда герой понял, что обыкновенная светская жизнь, которую он начал блистательно, — не для него. Это не очень активная форма протеста, но это недвусмысленно конфликтные отношения героя со средой.

Г.А.Гуковский полагал, что "Онегин", как типическое явление, не противоречит своей узкой "светской" среде, а несет в себе ее воздействие, выражает ее. Он типичен как порождение среды, а не как борец против нее"¹¹. Онегин, конечно, не борец против "света". Но он уже в конце первой главы "отступник бурных наслаждений" (У1, 22). Это — разрыв героя со своей средой, разрыв устойчивый и основательный. В деревне Онегин остается чуждым "мирной семье" соседства. В столицу он возвращается "безмолвный и туманный" (У1, 168); вариант беловой рукописи — "Как нечто лишнее стоит" (У1, 623). Явно вопреки пушкинскому тексту идет утверждение, что Онегин "не противоречит своей узкой "светской" среде". Напротив, он ведет себя подобно романтическому герою — бунтует!

Таким образом, кажущийся несомненным тезис о том, что в реалистическом произведении герой формируется под воздействием среды, требует, по крайней мере, серьезной корректировки. Элементарное предположение, что неторопливое художественное изображение быта в первой главе "Евгения Онегина" дано с определенной целью объяснить героя условиями его воспитания, далеко не в полном объеме подтверждается. По законам формальной логики, герой, с удовольствием усваивающий урок жизни, с полной благоклонностью принятый светом ("Свет решил, Что он умен и очень мил" — У1, 7), должен был бы и завершить жизненный путь, как предначертанно: "М.М. прекрасный человек" (У1, 169).

Формальная логика не срабатывает. Герой (как позже — героиня) "удирает штуку". Сформированный по образу и подобию среды, он поднимает против нее бунт.

В пушкиноведении много общих мест, которые примелькались и в силу одного этого выглядят несомненными. Парадоксы романа не замечаются. В целом Е.А.Маймин, конечно, прав, утверждая, что в "Евгении Онегине" герой предстает "уже не только как загадка, но и как разгадка определенного, исторически значимого социального типа"¹². Но в первой главе разочарованность Онегина хотя и становится предметом развернутого непосредственного рассмотрения, но демонстративно не объяснена. Обратим внимание на блестящий стилистический парадокс.

Недуг, которого п р и ч и н у
Давно бы отыскать пора,
Подобный английскому сплину,
Короче: русская хандра
Им овладела пленному... (У1, 21).

Слово "причина", вынесенное в рифму, запоминается, создавая иллюзию, что поэт объяснил состояние героя. На самом деле перед нами тавтологический уход от объяснения именно причины: недуг Онегина – хандра, но причина недуга – та же самая хандра! У читателя впечатление, что поэт объяснил причину недуга, а поэт лишь ставит задачу ("причину Давно бы отыскать пора"), но сам ее не решает. Поэт фиксирует болезнь героя; возбудителей болезни должен определить тот, кто сможет это сделать.

Мы сами пробуем объяснить Онегина условиями его воспитания и бытия: это действительно объясняет в нем многое, кроме важнейшего – причины его хандры.

Причина этой хандры Пушкиным все-таки объясняется, только не в тексте первой главы. Отдельное издание главы предварялось авторским предисловием. В нем отмечалось: "Станут осуждать и антипоэтический характер главного лица, сбивающегося на Кавказского Пленника..." (У1, 638). Авторское указание широко подхвачено пушкиноведением, преемственные связи "Евгения Онегина" с первой южной поэмой отмечались многократно¹³, однако далеко не все резервы такого сопоставления исчерпаны.

К Онегину вполне применимо суждение о Пленнике, в котором, свидетельствовал поэт, он "хотел изобразить это равнодушие к жизни и ее наслаждениям, эту преждевременную старость души, которые сделались отличительными чертами молодежи 19-го века" (XIII, 52).

Общая черта героев поэмы и романа – их молодость, ибо молод (в первой главе) и Онегин¹⁴. Мотивировка разочарованности Онегина в жизни отнюдь не менее туманна, чем и разочарованности Пленника. Пресыщенность наступает внезапно, по существу в те же осмнадцать лет, когда Онегин оказался "на свободе". Нельзя без иронии воспринимать указание, что поэт и его герой "мечтой" уносятся "к началу жизни молодой" (У1, 24), поскольку оба молодые. Парадокс еще и в том, что жизнь Онегина от самого рождения перед нами как на ладони: в этой жизни нет отрадной полосы, куда можно было бы погружаться воспоминаниями.

Впрочем, в первой главе уже можно видеть важный для повествовательной ткани романа прием, который уместно назвать приемом опережающей психологической мотивировки. На пересыщенности Онегина в первой главе мельком и с большой долей декларативности все-таки указано: "Измены утомять успели; Друзья и дружба

надоели...” (У1,24). В первой главе эта деталь курьезна, но она пригодится поэту, когда в четвертой главе он даст реальную мотивировку пресыщенности героя, удлинив до восьми лет период его светской предыстории.

Но в исходном моменте Онегин представляет собой тот же самый типаж, что и Пленник: человек с “преждевременной старостью души”, охваченный немотивированной романтической разочарованностью в жизни. Получается, что влиянию среды на героя следует отдать должное, но влияние это недопустимо фетишизировать.

Нельзя не учитывать, что “Евгений Онегин”, первое реалистическое произведение Пушкина, начинает создаваться исключительно рано, в зените романтического периода творчества поэта, в окружении романтических поэм (“Цыганы” пишутся параллельно с третьей главой “Онегина”). Как реалистическое произведение “Евгений Онегин” может быть определен однозначно. Тем не менее начальные главы романа — это во многом интуитивный прорыв в реалистическое будущее, и они несут на себе явственное романтическое влияние. Особенно это относится к фигуре героя. Его немотивированная пресыщенность — откровенно романтическая черта. Впрочем, в целом Онегина вряд ли можно воспринимать героем романтического плана: он очень разный. Онегин, погруженный вместе с поэтом в мечтания о начале жизни молодой, и Онегин, прагматически сухо анализирующий свои деревенские впечатления, мало похож сам на себя. Все-таки есть основание понимать данный факт не столько как противоречие художественного изображения, сколько как еще не вполне органично явленное многообразие души, что тоже можно рассматривать как важный аванс именно реалистического изображения героя. Чем далее, тем более в сознании Онегина происходит перевес реалистического мировосприятия над романтическим, хотя облик Онегина-романтика не сразу покидает творческое воображение поэта: в беловой рукописи второй главы, применительно к Онегину, разрабатывался мотив присмиревших, но готовых проснуться страстей; этот мотив был передан Алеко; к 15 Онегину романтический порыв примеряется — и отбрасывается.

Однако потому “Евгений Онегин” — реалистическое произведение от самых своих истоков, что структуру его определяет не сходство, а различие с романтическими поэмами. Герой романа, подобно романтическим героям, что было уже отмечено, бунтует. Характер конфликта Онегина со средой и своей внезапностью, и малой проясненностью одинаков с ситуацией “Кавказского пленника”, а поэма и “Цыган”. Решается конфликт всякий раз заново. Не столько

характер Пленника, сколько суть его бунта неотчетлива; слабо мотивировано его влечение к возвращению в покинутый им мир. Алеко последователен в бунте против ненавистного ему цивилизованного мира (другое дело, что "на природе" возникает новый, не менее мучительный конфликт). Онегин, бунтуя, никуда не бежит, становясь затворником своей модной кельи. Иначе говоря, романтический конфликт ищет внешнего выражения, реалистический — носит внутренний характер. Но самоизоляция Онегина, "отступника света", не менее значительна, чем бегство романтических героев "на природу". Кстати, и Онегин попадает "на природу" (а позже и на экзотический юг), но он отчужден в новой среде, что подчеркивает глубину его конфликта с обществом: "...Пушкин преодолевает самые корни романтического решения этой коллизии. Осознание противоречий героя, того, что убежав от общества, он не может убежать от самого себя, вернуло творческую мысль поэта к "берегам Невы"¹⁶.

Между романом и южными поэмами не столь явно различие в содержании конфликта, но оно безусловно ощутимо в характере разрешения конфликта. Не столь явно различие в психологическом облике героев, но оно демонстративно резко в способах их художественного изображения. У романтических героев предыстории нет; разочарованность Пленника выведена за рамки сюжетного повествования, дана в форме предельно сжатой и обобщенной ретроспекции. Рассказ об Онегине охватывает всю жизнь героя, буквально от его рождения.

Новаторство Пушкина, в полную меру явленное уже в первой главе, начиналось с принципиально иного, чем в романтических поэмах, воспроизведения формирующей героя среды. В "Кавказском пленнике" — типичное для романтического произведения условно-обобщенное, самое общее обозначение среды, сформировавшей героя. В "Онегине" — неожиданная, дразняще-конкретная предметность, сближе исторических деталей. С точки зрения романтической поэмы они не нужны, избыточны; они знаменательны как симптом перехода Пушкина на новые позиции — позиции "поэта действительности".

Различие между "Кавказским пленником" и "Евгением Онегиным" можно провести не только на уровне метода, но и на уровне жанра. Совершенно замечательно, что первым, очень быстро эту разницу почувствовал сам Пушкин (см. черновик его письма Гнедичу 29 апреля 1822 г.): "Обронив однажды, что "характер главного лица" в "Кавказском пленнике" "приличен более роману, нежели

поэме", Пушкин будто обещал уже, что попробует такой роман написать. Этим романом и был "Евгений Онегин"¹⁷. Неторопливое романное повествование с обилием подробностей само, без специальных авторских уточнений, объясняет нестандартный характер.

В своем фундаментальном труде, посвященном истории романтической поэмы, В.М.Жирмунский особо отмечал ее композиционные основы: "В композиционном отношении романтическая поэма сохраняет традиционные особенности жанра, освященные примером Байрона и Пушкина, — вершинность, отрывочность, недосказанность"¹⁸ "Онегин" строится иначе.

Большой интерес представляет широко цитируемая В.М.Жирмунским рецензия Вяземского (1827) на "Цыган", где пылко пропагандируется поэменный композиционный стиль в прямом противопоставлении его стилю героической эпопеи классицизма. Приведем фрагмент этой рецензии: "Как в были, так и в сказке мы уже не приемлем младенца из купели и не провожаем его до поздней старости и наконец до гроба, со дня на день исправляя с ним рачительно ежедневные завтраки, обеды, полдни и ужины. Мы верим на слово автору, что герой его и героиня едят и пьют, как и мы грешные, и требуем от него, чтобы он нам выказывал их только в решительные минуты, а в прочем не хотим вмешиваться в домашние дела..."¹⁹

На фоне рассуждений друга Пушкина (уже знакомого с началом "Онегина"!) особенно колоритно проступает повествовательный стиль романа в стихах. Пушкин не повел своего героя до старости или даже до женитьбы, но он заставил читателя приять младенца из купели и присутствовать при ежедневных завтраках, обедах и прочих пиروваниях. Делалось это во многом демонстративно. Можно отметить забавную эволюцию поэта. В "Руслане и Людмиле" (поэме очень сложного жанрового образования) Пушкин заявил: "Я не Омер..." (1У,54), а в сцене именин поэт уподобляет свою манеру гомеровской:

И к сате я замечу в скобках,
Что речь веду в моих строфах
Я столь же часто с пиррах,
О разных кушаньях и пробках,
Как ты, божественный Омир,
Ты, тридцать веков кумир! (У1, 113-114)²⁰.

Разумеется, Пушкин не возрождает жанр классицистского эпоса: он создает роман, "эпос нового времени". Но возвращения к предшествовавшему художественному опыту бывают причудливыми и неожиданными; даже анализируя индивидуальный стиль Пушкина в новейшем жанре "байронической" поэмы, В.М.Жирмунский замечает, что поэтика Пушкина органически связана "с поэтической традицией русского классицизма XVIII и начала XIX в."²¹.

Роману Пушкина понадобились подробности бытия, опущенные романтической поэмой. Одновременно хлынувший на страницы романа поток жизни углубляет, уточняет позицию "поэта действительности".

Видимо, есть необходимость уяснить, что в герое относится к чертам его индивидуальности, самобытности, а что в него привнесено, в нем воспитано, сформировано средой. Не можем разделить мнения Б.С.Непомнящего: "...Онегия, а точнее "онегинское", как образ жизни и мирозерцание, — это то, от чего автору хотелось бы избавиться"²². Нет, "онегинское" — это персональное, это то, что в герое самобытно, что позволяет ему подняться над уровнем света, а то, что привнесено в него средой, это и есть "светское", не онегинское, и герой имеет силу духа — не от всего, но от многого — избавиться; именно этим он и интересен поэту.

Проблема героя и обстоятельств в "Евгении Онегине" принципиально не может быть верно понятой, если берется в статике: это проблема подчеркнута динамичная. Отношения главных героев со средой не односторонни и не механистичны, они постоянно развиваются, уточняются в самом романе от первой главы и до конца, как они постоянно уточняются у людей в жизни.

Как в судьбе Онегина, так и в судьбе Татьяны полезно выделять предьстории, которые позволяют судить о том, что в исходных моментах биографии главные герои романа в стихах — чрезвычайно разные люди. Онегин в детстве, лишенный родительского внимания, был доверен "убогим" воспитателям и учителям, не пришедшим ему серьезных интересов и нравственных убеждений. Впрочем, и в раннюю пору он разборчив в уроках жизни, отнюдь не всеяден. Пример отца служить "отлично — благородно" не оказал на сына решительно никакого влияния. Зато Онегин рано понял привилегии, которые были даны сословию, к которому он принадлежал. При ежегодных балах, которые давал его отец, "измлада" дразнили его воображение и, вероятно, составляли главную его пищу. Он с нетерпением ждал своей свободы — свободы от родительской опеки. Мельком брошенное автором словечко "И н а к о н е ц уви-

дел свет" (У1, 6) с великолепной психологической тонкостью передает нетерпение Онегина и уже сулит жизнь, полную "бурных заблуждений И необузданных страстей" (У1, 76).

Хотелось бы обратить внимание на одно важное признание героя в монологе перед Татьяной: "Нашед мой прежний идеал..." (У1, 78). Нет оснований сомневаться в искренности этой реплики, и тем насущнее задать вопрос: когда в жизнь Онегина впервые вошел этот идеал – тогда ли, когда герой лишь объявился "на свободе", или тогда, когда он разочаровался в "науке страсти нежной" и ему захотелось истинно человеческих отношений? В тексте прямого ответа на этот вопрос нет, приходится прибегнуть к косвенным мотивировкам. По логике вещей, об идеале мог бы мечтать юноша. Применительно к онегинской судьбе общее уподобление менее вероятно: против него авторское свидетельство: "К а к р а – н о м о г о н л и ц е м е р и т ь ..." (У1, 9). Онегин изображен человеком "необузданных страстей". Лишенный серьезных интересов, он предается любовным утехам, достигаемым игрой, не брезгуя утками, покупаемыми за деньги ("И вы, красотки молодые..." – У1, 22). Поэтому более вероятно, что идеальный образ возник в сознании возмужавшего Онегина, удостоверившегося в мизерности духовной ценности любовной игры. Отметим, что светское общество не представило Онегину возможности найти его идеал.

Из сказанного вытекает, что Онегин – человек позднего духовного развития. Он легко усваивает "уроки" общества потому, что он – способный ученик, и потому, что эти "уроки" ему нравятся. Но вот наступает отрезвление. Т о л ь к о в э т о т м о м е н т рождается Онегин как герой пушкинского романа: Пушкин представляет его читателю как своего доброго приятеля, но "подружился" поэт с героем именно во время духовного кризиса.

Итак, на первом отрезке самостоятельной жизни Онегин начинает с приятия установлений общества, а общество принимает его с полной любезностью. Спустя известное время герой перерастает средний уровень общества, тянется к идеалу, не находя его, наконец, добровольно покидает свет, "условий света свергнув бремя..." (У1, 23). Не будем спешить с утверждением, что Онегин теперь не просто "на свободе", а обретает действительную свободу (это требует проверки), но можно говорить о наступлении поры, когда обстоятельства перестают довлеть над характером, а жизненную энергию определяют внутренние здоровые силы личности. Процесс развития не завершен, многое, в том числе и смутная тос-

ка по идеалу, протекает еще интуитивно. В Онегине нет основательности, согласно которой внутренняя жизнь искала бы упорядоченности, строгой осмысленности. В нем много какой-то внутренней тепливости, какой-то подспудной надежды, что все образуется само собой, нечто вроде расчета на осмеянный Пушкиным русский "авось" — "шиболет народный". Онегин пассивен перед напором занимающих, словно "предузнав издавлек Кончину дяди старика" (У1, 26), он охотно поселяется в деревне, которую не искал; в этом смысле Онегин весьма зависим от обстоятельств — даже в момент наибольшей внешней независимости от них. Пассивность природы Онегина подтачивает его сопротивляемость обстоятельствам.

Истоки жизненного пути Татьяны контрастны онегинским. Татьяна выросла в условиях максимальной свободы. С самых малых лет, повинувшись только голосу сердца, она ищет уединения, чуждается подруг, не играет в куклы. Очень рано просыпается ее воображение, питаемое вначале страшными рассказами "зимом в темноте ночей" (У1, 43), а потом — французскими романами. К ней рано приходит ощущение идеала, который сформирован, разумеется, сентиментальными книжками, но в полном ладу с влечением собственной чистой души.

Именно в своих истоках Татьяна максимально независима от внешних обстоятельств, растет так, как подсказывает ей ее натура, причем само собой оказывается, что в душе Татьяны нет эгоизма и очень много отзывчивости и самоотверженности. Быт Лариных в достаточной степени примитивен, но тонкость и деликатность Татьяна заимствует из книг, а в доме черпает чрезвычайно необходимую человеку долику взаимной приязни: ее отец умирает, "Оплаканный своим соседом, Д е т ь м и и верною женой Чистосердечней, чем иной" (У1, 47).

Означает ли сказанное, что Татьяна совершенно свободна от обстоятельств? Нет, разумеется, и понимает это она сама. Татьяна предвкусывает неизбежность одиночества, если бы она продолжала жить по книжным законам, поскольку все окружающие живут иначе: так возникает, притом добровольно, внутренняя установка смириться со временем "души неопытной волненья".

Судьба упасла Татьяну от достаточно мучительной роли разграничения — в процессе практического знакомства — идеального и неидеального в избраннике: испытание неидеальным выдерживает не всякая любовь. В Онегине очень много от идеального книжного героя во вкусе Татьяны, но далеко не все; поэт оговаривает специально: "Но наш герой, кто б ни был он, Уж верно

был не Грандисон" (У1, 55). "Неграндисоновское" в Онегине, конечно же, чувствительно задевало бы Татьяну, и все про все знающий Онегин это хорошо понимает:

Что может быть на свете хуже
Семьи, где бедная жена
Грустит о недостойном муже
И днем и вечером одна;
Где скучный муж, ей цену зная
(Судьбу однако ж проклиная),
Всегда нахмурен, молчалив,
Сердит и холодно-ревнив! (У1, 79).

Онегин проницательно угадывает опасность, где неопытный глаз ее не различает. Проверка идеалом – трудное испытание. "Недостойный муж" может обладать многими добродетелями, но они теряют значение, поскольку в целом человек недотягивает до идеала. Напротив, выражение "цену зная" удостоверяет высокую идеальность человека, с которым, однако, неидеальному человеку по своему трудно.

Татьяне на долю выпало другое. Она в достаточной степени рано ощутила несовместимость идеала и практической жизни. Появление Онегина внесло смятение в ее жизнь, поманило надеждой жить по идеалу, но герой не поддержал ее надежду. Татьяна вернулась к исходному раздвоению идеала и реальности и ушла в практический мир, не обольщаясь на его счет; идеал она сохранила в качестве "заветного клада и слез и счастья" (У1, 159).

Если Татьяна идет от книжного идеала к "живой жизни", то Онегин, пресыщенный прозой жизни, мечтает об идеале; главным образом героев разделяет содержание их поисков, но имеет свое значение и побочное обстоятельство – счастьем героев помешало отсутствие синхронности поисков.

Проблема героя и обстоятельств существует не только на стадии формирования личности героя. Давление обстоятельств человек испытывает на протяжении всей своей жизни.

Онегин испытывает наибольшее духовное раскрепощение в период "вольности и покоя" своей деревенской жизни²³. Но период этот непродолжителен; конец душевному покою Онегина положила ссора и дуэль с Ленским.

Обычно Онегину (и ему одному) ставится в вину, что он спасовал перед "общественным мнением". Мысль бесспорная, только очень уж легко тут впасть в примитивизм, а следовательно, ис-

казить содержание пушкинского романа. Простой вопрос: много ли мы знаем литературных героев, отказавшихся от дуэли? На память приходит пушкинский же Сильвио из "Повестей Белкина". И следует подчеркнуть два момента: во-первых, глубину унижения, сопряженного с отказом от дуэли, во-вторых, наличие у Сильвио сверхидеи, которая и помогла ему пройти сквозь унижения. У Онегина такой сверхидеи не было. Надо признать, что мысль Онегина - по привычке - просто ленива, герою (исключая этап увлечения "наукой страсти нежной") не свойственна быстрота реакции. Дуэль отнюдь не была фатально неизбежной. Сам Онегин отдает себе отчет в том, что "мог бы чувства обнаружить, А не щетиниться, как зверь", что "должен был обезоружить Младое сердце" (У1, 121-122). И Ленский не исключал отказа Онегина от дуэли: "Он все боялся, чтоб проказник Не отшутился как-нибудь, Уловку выдумав и грудь Отворотив от пистолета" (У1, 122). Даже когда дуэлянты сошлись за мельницей, альтернатива еще была: "Не засмеяться ль им, пока Не обагрилась их рука, Не разойтись ли полюбовно?.." (У1, 129). Именно потому, что Онегин мог бы не убивать Ленского, но убил, Пушкин и назовет его "убийцей"²⁴. И все-таки отказ от дуэли (под любым благовидным предлогом) давал повод для пересудов, для "шопота" и "хохотни глупцов". Вроде бы и здесь под рукой оправдание: "быть должно презренье Ценой его забавных слов..." (У1, 122). Но как трудно им воспользоваться! Можно ли хотя бы на минуту себе представить, чтобы гордый Онегин, дороживший своей независимостью, мог позволить, чтобы над ним хохстали Зарецкие, Скотинины, Буяновы - все сборище, которое он сам презирал. Дать такой удобный повод, чтобы они его презирали? Вопрос заключает ответ.

Конечно, Онегин мог бы уехать из деревни: то же самое путешествие совершилось бы по другой причине. Но что случилось бы с "вольностью и покоем"? Муки оскорбленной души вряд ли легче мук совести. Пересуды пересудам рознь. Переводя крестьян на оброк, Онегин пересудов не боялся, хоть они и были. Здесь другое: затронуты коренные вопросы дворянской чести. Отказ Онегина от дуэли, умозрительно легкий, оказывается практически неисполнимым. И мы должны понять позицию героя, т.е. руководствоваться принципом историзма.

Путешествие Онегина в пушкиноведении на удивление единодушно, за немногими исключениями, трактуется как этап, чрезвычайно плодотворный для духовной эволюции героя. На преуве-

личении роли путешествия в жизни Онегина сложилась концепция "возрождения", наиболее отчетливо представленная в книге Г.А.Гуковского и, с добавлением новых положений, в книге Г.П.Макогоненко. Г.А.Гуковский полагает: "...намечается два ряда впечатлений от Руси, откладывающихся в сознании Онегина (?): ужас пошлого и отталкивающего уклада современного общества — верхов, и величие истории народа, или, иначе: негодование по отношению к существующему и увлечение возвышенными идеалами народной героики и мятежными порывами"²⁵. Еще резче высказывается Г.П.Макогоненко: "Чем больше видит Онегин, тем сильнее страдает его душа, постоянно оскорбляемая (!) зрелищем нищеты, бесправия крепостнической России, тем определеннее становятся его политические интересы"²⁶. Немудрено, что Г.А.Гуковский делает совершенно категорический вывод относительно предполагаемой судьбы Онегина: "Пройдет еще полгода, и Онегин придет на Сенатскую площадь"²⁷. Г.П.Макогоненко счел необходимым смягчить итоговый вывод, ограничить "возрождение" Онегина личным духовным обновлением героя: "Сняв проблему политическую (поскольку в ту эпоху совершенно не был ясен путь политической борьбы с самодержавно-крепостническим строем и невозможно было писать о декабристах) и заменив ее проблемой моральной, Пушкин показал нравственное возрождение личности Онегина через любовь"²⁸. Это наблюдение верно применительно к судьбе героя, но недостаточно для оценки финала романа в целом, поскольку не учитывает декабристскую тенденцию пушкинского автопортрета восьмой главы²⁹.

Ошибка в завышении роли путешествия в эволюции Онегина происходит оттого, что состояние героя определяется умозрительно, выводится из объективных картин, которые даны взглядом автора (но не героя!), тогда как лейтмотив состояния Онегина на всем протяжении сохранных от первоначальной восьмой главы строф поэтом проводится неуклонно и однозначно: "Куда бы ни отправлялся герой в своей легкой венской коляске... — всюду он везет за собой одно настроение, один рефрен: "Чего мне ждатель? Тоска! Тоска..."³⁰. "...В самые, казалось бы, острые моменты Онегин остается пассивным наблюдателем-флегматиком"³¹.

Маршрут путешествия Онегина, пролегающий по исторически активным точкам пространства России³². Но в высшей степени знаменательно, что современные картины знаменитых мест подаются с контрастным эмоциональным знаком. Великий Новгород, излюбленный декабристами символ вольнолюбия: утих мятежный коло-

кол. Москва, развенчавшая Наполеона: прения о каше и сплетни. Нижний Новгород, вотчина Минина: меркантильный дух. В разинской Астрахани Онегин пытается углубиться "в воспоминанья прошлых дней", но... атакован комарами. Может быть, самая колоритная деталь: Разин жив в песнях бурлаков; но и здесь пафос детали перечеркивается выразительным оксюмороном: про удалого атамана бурлаки поют "унывым голосом".

Таков очередной парадокс. Герой отрешается или пытается отрешиться от спячки ("проснулся раз он патриотом"). Но его порыв не только не подкреплен, но буквально парализуется общественной пассивностью. Онегин надломлен изнутри, психологически, но обстоятельства, в которые он попадает, не исцеляют, но усугубляют его душевный дискомфорт.

Обратим внимание: на календаре героев еще преддекабрьское время, но Пушкин дорисовывает Онегина уже в конце 20-х гг. Общественная жизнь начала 20-х гг. включала разные тенденции; задним числом Пушкин резко расставляет акценты, показывая общественное равнодушие как косность, противостоящую энтузиазму горстки благородных людей, вознамерившихся преобразовать Россию.

Сказанное объясняет, почему в Онегине, герое преддекабрьской эпохи, можно видеть предтечу типа "лишних людей", рожденных эпохой николаевской реакции. Именно путешествие, вопреки распространенному мнению, гасит его наметившийся общественный порыв. (Впрочем, герой живет в идеологически неоднозначное, в отличие от 30-х гг., время, поэтому и размышления о перспективах его судьбы варианты). Настаиваем: трагедия "лишних людей" не только психологическая (хотя и опирающаяся на определенные психологические предпосылки), но прежде всего общественно-идеологическая. Особенно главой "Странствие" Пушкин подчеркивает это и в своем романе. Н.Н.Скатов, напоминая суждение Герцена о том, что Онегин как тип "лишнего человека" появился после 14 декабря, считает возможным видеть предпосылки явления в предшествующем периоде. По мысли исследователя, Пушкин был исторически точен, "когда в своем романе истоки онегинства вместе с биографией героя отнес к послепетровскому времени"³³. Анализом фрагментов "Странствия" мы и показали реальное и конкретное воплощение в романе именно такой пушкинской позиции.

Период путешествия в судьбе героя знаменателен тем, что Онегин до глубины души пронят ощущением утраты человеческих связей, его томит "постылая свобода", ему необходимо тепло

человеческого общения. Вот почему Онегин оказывается в свете, который покинул, казалось, навсегда. Не так ли поступает и Татьяна, еще в пору своих идеально-романтических мечтаний интуицией угадывающая необходимость смирить "души неопытной волненья"? Тем не менее, вступая на общий путь, она сохраняет свое лицо. Творчески усваивая онегинский урок "вольности и покоя", она оплачивает компромисс, обеспечивающий ей возможность по-антеевски черпать целительную силу из "заветного клада и слез и счастья", трудной ценой безупречного поведения. Но она не смогла уберечь в тайне свой клад.

Судьбы Онегина и Татьяны, сходные поисками вольности и покоя как замены счастью, в конечном счете, каждая по-своему, служат индивидуально-конкретным подтверждением того общего закона, который афористически сформулирован В. И. Лениным: "Жить в обществе и быть свободным от общества нельзя". Тем не менее самый этот факт должно истолковать, как минимум, в двух значениях.

Первое. Пушкинские герои – незаурядные личности. Они сохранили "душу живую", не затерялись в толпе, "обыкновенный удел" – не для них. Их путь тернист, но мера значительности героев определяется как раз силой сопротивляемости неблагоприятным обстоятельствам, силой мужества и упорства.

Второе. Самый факт влияния общества на человека нельзя считать негативным. Человеческая культура – явление многовековое. Даже простая передаточная функция каждого поколения заслуживает уважения. Еще важнее, что на каждом отрезке развития общество не бывает однородным, в нем борются прогрессивные и реакционные тенденции, и человек волен выбирать между ними.

Выход Пушкина на позиции историзма, перерастание детерминизма психологического в детерминизм социальный проблему героя и обстоятельства применительно к образу Онегина позволяет вывести на уровень определения связи духовных поисков героя с главным прогрессивным движением эпохи.

Исключительно сложный, динамичный путь духовных исканий Онегина сопротивляется применению формулы. Кстати, это обстоятельство и объясняет, почему сущность героя вызывает столь длительные споры, почему для обозначения типологической сути Онегина использовалось много формул. Но герой дан в постоянном движении, в изменении, а применяемые формулы фиксируют только отдельные фазы этого развития. Онегин – действительно

"лишний человек", когда он неприкаянно мается, испытывая по-лосу горьких разочарований; происходит это дважды – в первое петербургское затворничество и в период трехлетнего путешествия. Что особенно важно, судьба "лишнего человека" довлеет над Онегиным, когда мы размышляем над перспективой жизненной судьбы героя. В результате именно данная ситуация выглядит доминирующей, подчиняющей себе все остальное. Вот почему неудивительно, что концепция образа Онегина как типа "лишнего человека" получила широкое распространение и выглядит наиболее убедительной. Но и она не охватывает всех фактов, не объясняет умиротворенное состояние Онегина в деревне. Выясняется также, что в деревенский период "вольности и покоя" духовные искания героя объективно отчетливо пересекаются с идеологической программой декабристов. Эту линию развития героя опять-таки поддерживает, подкрепляет гипотетическое соображение о возможности декабристского финала судьбы Онегина. Да, поиски героя поднимаются до декабристского (или мягче, зато увереннее говоря, олодекабристского) содержания, что противоречит концепции "лишнего человека". Наконец, Онегин переживает и состояние "возрождения", только не во время путешествия, а после него – в любви к Татьяне; правда, это состояние исчерпано текстом, и нет гарантий, что оно закрепится, перерастая в возрожденные общественной активности, в декабристский путь. Гипотетическая судьба героя включает как этот вариант "возрождения", так и более вероятный – обобщающий – вариант судьбы "лишнего человека."

Да, судьба героя диалектически подвижна, ее трудно заключить в раму одного понятия. Впрочем, использование одной, единой формулы применительно к Онегину возможно. Ее дал сам поэт, завершая роман: "ты, мой спутник странный...".

Пушкин рискнул в "Евгении Онегине" явиться перед публикой со своим собственным "я"; ему не понадобились посредники, чтобы выразить свои мысли, чтобы высказать суждения о современной ему эпохе. Он обошелся без маскарада с переодеванием для этих целей в костюм вымышленного условного героя. И все-таки есть какие-то мысли, переживания, сомнения, которые выставляют на публику "невозможность физическая", хотя в них нет какого-либо криминала, – "посторонний прочел бы равнодушно" (XIII, 244). Вымышленным героям, Онегину в особенности, и отданы некоторые стороны авторского мировосприятия, их

поэт не мог или не хотел выразить от своего лица.

В этом смысле Онегину "не повезло". В предшествовавшей Пушкину классицистской трагедии и в современной ему романтической поэме родство автора и героя было обычным: герой представлял рупором авторских идей, даже, можно сказать, воплощал идеальное в самом авторе и в этом смысле был выше автора. Авторское отношение к Онегину включает рецидив романтического преклонения перед героем ("Сперва Онегина язык Меня смущал..."), но в мягкой, переходящей форме ("...но я привык К его язвительному спору..." - У1, 24). В существе же своем это отношения равных, с оттенком превосходства автора над героем. Об этом писали уже в XIX в.: Пушкин "вложил в Онегина часть самого себя и ввел в его облик некоторые черты своего характера, но он не благоговет перед изображением, а напротив, от-34 носится к нему совершенно свободно, а подчас и саркастически". Превосходство автора над героем продиктовано тем, что автор пытается понять, осмыслить (по принципу "со стороны виднее") судьбу героя, далеко не ясную "изнутри", но более всего тем, что автор отдает герою не свое лучшее (или даже лишь то, о чем мечталось), а нечто такое, о чем стеснительно говорить вслух, для публики. В первой главе это упоение молодостью, "хмелем светской суеты". Вслед за тем это скептицизм, широкий по диапазону - от бытовой морали до политической позиции.

Реалистический герой обладает, несомненно, большим разнообразием функций, чем герой романтический. В Онегине никак нельзя видеть второе "я" Пушкина. Герой постоянно отделен от автора, он узнаваем современниками, которые удостоверили подлинность и даже распространенность данного типа. Но герой сумел принять на себя часть авторского мировосприятия - и сделал это, как "добрый приятель" Пушкина, истинно по-дружески, по-рыцарски, взяв на свои плечи такую именно часть, которую поэту оказалось затруднительно выставить на публику от своего имени.

Поэт расцелся с другом благородно: он поставил имя героя в последней строке романа, а само прощание "с Онегиным моим" уподобил самому главному прощанию - с праздником Жизни.

ПРИМЕЧАНИЯ

1 Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т.37. С.35.

2 Маркович В.М. "Герой нашего времени" и становление реализма в русском романе // Русская литература. 1967. № 4. С.47.

- 3 Гуковский Г.А. Пушкин и проблемы реалистического стиля. М., 1957. С.54. Подчеркнуто здесь и далее авторами, наши выделения даются разрядкой.
- 4 Там же. С.168-169.
- 5 Там же. С.175.
- 6 Сергиевский И. Пушкин в поисках героя // Литературный критик. 1937. № 1. С.107.
- 7 Макогоненко Г.П. Творчество А.С. Пушкина в 1830-е годы (1833-1836). Л., 1982. С.113.
- 8 "Еще в "Евгении Онегине" Пушкин обнаружил ту сложность отношений человека и среды, человека и воспитывающих его обстоятельств, которая далеко расходилась с механистическими представлениями мыслителей прошлого" (Тойбин И.М. Пушкин: Творчество 1830-х годов и вопросы историзма. Воронеж, 1976. С.52). Механистическими представлениями, поясняет исследователь, нельзя объяснить, каким образом такие разные Татьяна и Ольга выросли в одной семье. См. об этом также: Удодов Б.Т. Концепция личности в романе А.С.Пушкина "Евгений Онегин" // Индивидуальность писателя и литературно-общественный процесс. Воронеж, 1979. С.49-50.
- 9 См. об этом: Семенко И. Эволюция Онегина: К спорам о пушкинском романе // Русская литература. 1960. № 2.
- 10 Произведения Пушкина цитируются по Большому академическому изданию (см: Пушкин А.С. Полное собрание сочинений: В 16 т. М.; Л., 1937-1949). Ссылки даются в тексте, римской цифрой обозначается том, арабской - страница.
- 11 Гуковский Г.А. Указ, соч. С.175.
- 12 Маймин Е.А. О русском романтизме. М., 1975. С.78.
- 13 См.: Благоев Д.Д. Реализм Пушкина в соотношении с другими литературными направлениями и художественными методами // Реализм и его соотношение с другими творческими методами. М., 1962. С. 121; Королев В.И. Романтизм в русской литературе первой половины 20-х годов XIX века. Пушкин // История романтизма в русской литературе (1790-1825). М., 1979. С. 221; Лакин В. "Слутник странный": Александр Раевский в судьбе Пушкина и роман "Евгений Онегин" // Лакин В. Биография книги: Статьи, исследования, эссе. М. 1979. С.106 и др. Связь "Евгения Онегина" с южной поэмой отмечают зарубежные исследователи Б.Гальстер (Польша), А.Палфи (Венгрия) (см.: Новые зарубежные исследования творчества А.С.Пушкина: Сборник обзор. М., 1986. С.45, 56).

- 14 См.: Никишов Ю.М. Художественное время в "Евгении Онегине" А.С.Пушкина // Филологические науки. 1984. № 5.
- 15 "Инерцию романтических приемов в обрисовке характера главного героя" С.А.Фомичев отмечает и в некоторых черновых вариантах исповеди Онегина (см.: Фомичев С.А. У истоков замысла романа в стихах "Евгений Онегин" // Болдинские чтения. Горький, 1982. С.11).
- 16 Кулешов В.И. Литературные связи России и Западной Европы в XIX веке (первая половина). 2-е изд., испр. и доп. М., 1977. С.134.
- 17 Лакшин В. Указ. соч. С.106(см. также: Тынянов Ю.Н. О композиции "Евгения Онегина" // Тынянов Ю.Н. Поэтика. История литературы. Кино. М., 1977. С.68; Городецкий Б. Пушкин – романтик или реалист? // Культура и жизнь. 1967. № 3. С.37).
- 18 Жирмунский В.М. Байрон и Пушкин. Пушкин и западные литературы. Л., 1978. С.309.
- 19 Там же. С.35.
- 20 Подробнее о переходах от одного обращения к Гомеру к другому, контрастному, см.: Ходасевич Вл. Поэтическое хозяйство Пушкина. М., 1924. С.46–47.
- 21 Жирмунский В.М. Указ. соч. С.199.
- 22 Непомнящий В. "Начало большого стихотворения": "Евгений Онегин" в творческой биографии Пушкина. Опыт анализа первой главы // Вопросы литературы. 1982. № 6. С.149.
- 23 Подробнее об этом см.: Никишов Ю.М. Концепция героя в романе Пушкина "Евгений Онегин": Учебное пособие. Калинин, 1982.
- 24 Указано Л.Г.Фризманом.
- 25 Гуковский Г.А. Указ. соч. С.252.
- 26 Макогоненко Г. "Евгений Онегин" А.С.Пушкина. 2-е изд., испр. и доп. М., 1971. С.179.
- 27 Гуковский Г.А. Указ. соч. С.275.
- 28 Макогоненко Г. Указ. соч. С.181.
- 29 См. об этом: Никишов Ю.М. О финале "Евгения Онегина" // А.С.Пушкин: Проблемы творчества. Калинин. 1987.
- 30 Лакшин В. Движение "свободного романа": Заметки о романе "Евгений Онегин" // Литературное обозрение. 1979. № 6. С.22.
- 31 Кулешов В. Жизнь и творчество А.С.Пушкина. М., 1987. С.190.

32 См. об этом: Тамарченко Д.Е. Из истории русского классического романа: Пушкин, Лермонтов, Гоголь. М.; Л., 1961. С.49; Удодов Б.Т. Указ. соч. С.38.

33 Скатов Н. Русский гений. М., 1987. С.71.

34 Анненков П. Александр Сергеевич Пушкин в александровскую эпоху. Спб., 1874. С.235 (см. также: Соллертинский Е.Е. Лирические отступления и их место в романе А.С.Пушкина "Евгений Онегин" // Вопросы жанра и стиля. Вологда, 1967. С.82 (Учен. зап./ Вологод. пед. ин-т; Т.31).

В.С.БАЕВСКИЙ

Смоленский госпединститут имени К.Маркса

ИМЯ СОБСТВЕННОЕ В РИФМАХ "ЕВГЕНИЯ ОНЕГИНА"

Имя собственное в художественном тексте всегда несет определенную коннотацию. Пушкин это остро чувствовал. Всем памятно подробное обсуждение имени героини романа, с которым "неразлучно воспоминанье старины иль девичьей". Черновые рукописи отражают колебание поэта в самом выборе имени для старшей сестры. Стилистическая ориентированность имени Ольги близка к стилистической ориентированности имени Татьяны.

Знаменателен следующий эпизод. В главе пятой изображены разные способы гадания. Девушка должна спросить имя первого встречного: так будут звать ее жениха. Татьяна спрашивает - и получает ответ: "Агафон" (У1, 101)¹. Пушкин рассчитывал на то, что читатель улыбнется: не могла дворянка выйти замуж за носителя простонародного имени. В 13-м примечании Пушкин специально обратил на это внимание: "Сладкозвучнейшие греческие имена, каковы, например, Агафон, Филат, Федора, Фекла и проч., употребляются у нас только между простолюдинами" (У1, 192).

Не случайно именно пушкинисты в трудах, затрагивающих широкий круг филологических проблем, обращают внимание на указанную особенность поэтической ономастики: "Сила лексической окраски имен очень велика; ими дается как бы лексическая тональность произведения"². Стоит отметить, что охарактеризованные научные представления в наши дни стали предметом поэтических медитаций:

Пойдем же! Чем больше названий,
Тем стих достоверней звучит,
На нем от решеток и зданий
Тень так безупречно лежит.

Министерство высшего и среднего специального
образования РСФСР
Калининский государственный университет

ПУШКИН: ПРОБЛЕМЫ ТВОРЧЕСТВА ,
ТЕКСТОЛОГИИ , ВОСПРИЯТИЯ

Сборник научных трудов

Калинин 1989